

И.П. Иванов и Л.И. Уманский — создатели психолого- педагогической теории и практики развития личности в коллективе

Валерий Леонидович Ситников,

доктор психологических наук,
профессор, главный редактор
журнала «Социальная педагогика»,
профессор кафедры юридической
психологии Санкт-Петербургского
университета МВД России

Статья посвящена выдающимся теоретикам и практикам отечественной психологии и педагогики: доктору психологических наук, профессору Л.И. Уманскому, автору «функционально-структурной концепции психологии контактной группы как коллектива», и доктору педагогических наук, профессору, академику АПН СССР И.П. Иванову, создателю системы развития личности в процессе коллективной творческой деятельности.

• коллектив • контактная группа • личность
• лидер • лагерь «Комсорг» • забота • клуб
юных коммунаров

Этот номер журнала «Социальная педагогика» посвящён юбилеям двух учёных, пожалуй, самых глубоких последователей Антона Семёновича Макаренко — создателей современной отечественной психолого-педагогической теории и практики развития личности в коллективе: Игоря Петровича Иванова и Льва Ильича Уманского. Психологи уже отметили столетний юбилей доктора психологических наук, профессора Л.И. Уманского, родившегося 29 октября 1921 года, а педагоги активизировали подготовку к столетнему юбилею доктора педагогических наук, академика АПН СССР И.П. Иванова, родившегося 3 ноября 1923 года.

Лев Ильич Уманский (29.10.1921 — 13.07.1983) — основатель двух научных школ социальной психологии в Курске и Костроме, создатель параметрометрической (параметрической) концепции социально-психологической структуры коллектива, согласно которой значимые параметры коллектива объединены в несколько блоков: «общественная подструктура» (направленность, организованность, подготовленность), «личностная подструктура» (интеллектуальная коммуникативность, эмоциональная коммуникативность, волевая коммуникативность), «социально-психологические общие качества» (эмоциональный микроклимат, референтность,

сплочённость, различные виды активности во взаимодействии личности и группы) и «социальная ценность и содержание деятельности».

Будучи лидером по натуре, особое внимание в собственных исследованиях и в исследованиях своих учеников он обращал на изучение закономерностей и механизмов организаторской деятельности и анализ лидерских качеств, условий взаимодействия лидеров и контактной группы (как он предпочитал называть малые группы). Сегодня уже немногие помнят, что 29 октября был создан коммунистический союз молодёжи — комсомол, и, видимо, есть всё же магия дат — до последних дней научная и общественная жизнь Льва Ильича была связана с организацией молодёжи. Он рано потерял родителей, растила его тетя. В восемнадцать лет он начал работать вожатым-инструктором стационарных пионерских лагерей в Курской области.

В 1940 году стал курсантом Чугуевского военного авиационного училища, после начала войны передислоцированного в Чимкент. Там, во время учебного полёта, попал в аварию и был признан негодным к строевой службе. Окончив интендантские курсы Среднеазиатского военного округа в Намангане, получил офицерское звание и был направлен на службу помощником командира отдельной роты, а затем начальником складов в Советском транспортном управлении в Иране, занимавшимся поставкой по лендлизу в Советский Союз самолётов.

После демобилизации в 1945 году два года работает освобождённым секретарём комитета комсомола Курского государственного педагогического института (КГПИ). В 1950 году оканчивает историко-филологический факультет этого института и продолжает начатое ещё в студенческие годы преподавание психологии в школе, одновременно становится преподавателем психологии Курского пединститута, где проходит путь до заведующего кафедрой педагогики и психологии, а в 1971 году создаёт там новую кафедру психологии. С 1953 по 1955 год под руководством Б.М. Теплова в аспирантуре МГПИ им. В.И. Ленина готовит и успешно защищает кандидатскую диссертацию об

индивидуально-типологических особенностях детей старшего дошкольного возраста. После успешного завершения работы над диссертацией он продолжает экспериментальное изучение дошкольников, направленное на изучение развития организаторских способностей, а затем расширяет возрастной диапазон испытуемых. Объектом его исследований становятся школьники, студенты, взрослые. В 1969 году он защищает докторскую диссертацию «Психология организаторских способностей».

Важным этапом экспериментальных исследований и создания научной школы стала организация в 1961 году курского лагеря молодёжного актива «Комсорг», через научную и вожатскую работу в котором прошли практически все сотрудники и аспиранты возглавляемой им кафедры. Как отмечает сегодняшний заведующий кафедрой психологии Курского университета, доктор психологических наук, профессор Сергей Васильевич Сарычев, именно в это время оформилась новая тема научных исследований Л.И. Уманского — «Психология организаторских способностей школьников». *«Несомненно, сказался его собственный опыт организатора пионерских лагерей и исследования способностей его научного руководителя Б.М. Теплова. Летом 1961 года в Парке пионеров Курска была проведена первая смена лагеря комсомольских активистов «Комсорг», успешно работающего уже 60 лет. С момента своего основания до наших дней курский «Комсорг» остаётся экспериментальным полигоном курской научной психологической школы»* [4].

Летом 2021 года этот лагерь отметил своё шестидесятилетие.

После вынужденного в 1973 году перехода в Костромской пединститут, где он создал новую кафедру психологии, в Костромской области появился и новый лагерь «Комсорг», на базе которого была подготовлена не одна и не две диссертации. И этот лагерь до сих пор воспитывает новых молодёжных организаторов. Как отмечают ученики и сотрудники-соратники, Л.И. Уманский не только сам был увлечённым исследователем, но и обладал замечательной способностью увлекать окружающих любого возраста, был отличным барабанщиком

и прекрасно играл на трубе, был заядлым волейболистом, отличался кипучей энергией. Под его обаяние сразу попадали и дети, и взрослые. Практически каждое лето он работал в «Комсорге» где он был и организационным, и научным лидером. Как вспоминали его коллеги, первым его вопросом к исследователям был: «А как это можно использовать на практике?», т.е. он был не кабинетным учёным, а настоящим экспериментатором, для которого наука была не самоцелью, а важнейшим средством решения практических проблем.

С момента создания первого «Комсорга» главным предметом исследования для Л.И. Уманского и его учеников становится контактная группа как коллектив. В изучении феномена контактной группы и этапов её развития до коллектива Уманский основывался на работах А.С. Макаренко: *«Традиционно в советской терминологии закрепилось два понятия „коллектив” — широкое, когда под коллективом понимается любая, организованная в рамках советской действительности, группа людей (завод, цех, бригада, школа, класс, студенческая группа и т.п.), и более узкое, социально-психологическое и психолого-педагогическое значение, когда под коллективом понимают (вслед за А.С. Макаренко) высокий уровень развития группы. Мы будем пользоваться термином с этим вторым значением. Отсюда и группу рассматриваем как потенциально способную стать коллективом или уже достигшую этого уровня»* [8, с. 29 – 31].

О.В. Лунева и Т.Л. Крюкова пишут о вкладе Л.И. Уманского в отечественную психологию: *«Свою теорию организаторских способностей личности Л.И. Уманский разрабатывал много лет и неоднократно корректировал... В 1975 году Л.И. Уманский, обобщая наработанные его командой результаты, представил уточнённое и значительно дополненное видение психологической структуры группы как коллектива. Позже Лев Ильич сочтёт целесообразным существенно поправить название развиваемой им концепции. Он предлагает считать её «функционально-структурной концепцией психологии контактной группы как коллектива». В основании концепции, указывал автор, есть две взаимосвязанные позиции. Первая состоит в том, что «психология группы отражает её жиз-*

недеятельность, т.е. те функции, которые реально выполняет группа». Вторая «заключается в понимании единства и структурности такого сложного образования, как контактная группа, когда она рассматривается с точки зрения её социально-психологической зрелости. При таком подходе контактная группа предстаёт целостным интегральным образованием, имеющим структурное единство, состоящее из шести подструктур, отражающих различные сферы жизнедеятельности...» [3].

Они подчёркивают важнейшую особенность школы профессора Л.И. Уманского, которая заключалась в органическом сплаве фундаментальных научных знаний, а возникали, корректировались, проверялись и сразу реализовывались в практике работы как с юношескими контактными группами, так и с производственными коллективами «взрослых», в работе с конкретными коллективами и реальными людьми в процессе совместной деятельности, а потому были более ценными, чем исследования, выполненные лишь на основе опросных и тестовых методик [3].

Эта особенность отличала и научную школу академика АПН СССР Игоря Петровича Иванова, последователя А.С. Макаренко, разработавшего систему развития личности и коллектива в совместной творческой деятельности на принципах общей заботы. Творчески реализуя и развивая идеи А.С. Макаренко, в ходе уникального социально-педагогического эксперимента убедительно доказал, что система А.С. Макаренко прекрасно работает не только в пенитенциарной, но и в обычной общеобразовательной системе.

Игорь Петрович Иванов (05.11.1923 — 09.08.1992) родился в Батуми, куда за три года до этого его отец, Пётр Константинович, коренной петербуржец, вместе с женой был направлен в органы ВЧК для борьбы с врагами советской власти. Пётр Константинович, потомственный рабочий, рано осиротел и уже с десяти лет начал работать учеником слесаря, а в пятнадцать лет ушёл на фронт, где был награждён четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя Георгиевскими медалями, став полным Георгиевским Кавалером. В октябре 1917 он участвовал в штурме Зимнего дворца,

охранял В.И. Ленина, а потом воевал с белогвардейцами на Северном Кавказе. В 1924 году по состоянию здоровья он уволился из ВЧК и вместе с семьёй вернулся в Ленинград. Здесь он поступил учиться в Ленинградский металлургический институт, а затем его командировали на три года в Гарвардский университет для продолжения учёбы. После возвращения из США его назначают главным металлургом завода имени Ворошилова в Ленинграде. А в июле 1938 по ложному доносу арестовывают и жестоко выбивают признания в шпионаже, но через семь месяцев, так и не добившись самооговорора, дело прекращают за отсутствием состава преступления и возвращают на прежнюю должность.

За исключением этого тяжёлого периода детство и школьные годы будущего академика были вполне безоблачны. Он отлично учился, ещё до школы свободно говорил по-немецки, а к окончанию школы и по-английски, несколько хуже освоил французский, увлекался переводами зарубежных классиков на русский язык. Много читал и сам писал так, что стал победителем конкурса школьников на лучшее произведение к столетию со дня смерти А.С. Пушкина. Апрельский номер литературно-художественного журнала «Резец» открывался его работой «Случайно уцелевшая часть записок Швабрина, написанная им в тюремной камере Казанской крепости перед своей казнью в 1774 году». Через год он написал для школьного спектакля одноактный водевиль «Однажды перед выходным...». Будучи заядлым театралом, он и сам страстно играл в школьном драмкружке. Этот актёрский талант проявился и в драмкружке Ленинградского университета, где он играл на равных с будущим народным артистом СССР Игорем Горбачевым, который, решив поменять философский факультет на театральный институт, усиленно уговаривал перейти туда и Игоря Иванова. Когда в июле 1974 года на очередном сборе Коммунарского Макаренковского сообщества педагогов, студентов и воспитанников А.С. Макаренко (на его родине в Белополье) был написан сценарий и подготовлен спектакль по мотивам «Города солнца», самый большой успех выпал не на исполнителя Томазо Кампанеллы, а на Паука, оплетающего всё и вся своей

паутиной, которого потрясающе сыграл Игорь Петрович.

После окончания школы не успел выпускник выбрать между философским и географическим факультетом, как началась война. Завод, на котором работали его родители, эвакуировали из Ленинграда. Игоря Петровича с его прогрессирующей близорукостью, больше — 11,5 диоптрий, в армию, конечно, не взяли, и он, забыв про учёбу, пошёл работать на военный завод. После снятия блокады и возвращения Ленинградского университета из Саратова в Ленинград он сразу подал заявление для поступления на заочное отделение философского факультета, а сразу после Победы, в июне 1945, получил вызов для сдачи всех экзаменов за первый курс. Так закончилась его работа на Горьковском заводе авиамоторов, и он вернулся в Ленинград. А вскоре реэвакуировался и завод, на котором работали его родители, сестра и его будущая жена.

С третьего курса Игорь Петрович начал преподавать логику в Военно-морском училище, и его всё больше стала интересовать педагогика. Как рассказывала его жена — Любовь Александровна, он зачитывался Ушинским, Толстым, Корчаком, неоднократно перечитывал и пересказывал «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях» А.С. Макаренко, а на четвёртом курсе его любимым лектором стал Б.Г. Ананьев. После получения диплома, в котором не было других оценок, кроме «отлично», И.П. Иванову были открыты двери любой аспирантуры философского факультета, но он выбрал аспирантуру Ленинградского научно-исследовательского института педагогики АПН РСФСР, которым руководил Б.Г. Ананьев. Одновременно он стал вести уроки логики и психологии, которые тогда были обязательными в старших классах, сразу в двух школах — 210-й и 202-й, в последней он был назначен классным руководителем самого сложного, по словам директора, 10а класса. Этот его первый опыт реализации макаренковских идей создания успешного коллектива из разрозненного класса «двоечников» достаточно подробно описан в его небольшой книжке «Воспитывать коллективистов», практически единственной, вышедшей при его жизни в центральном издательстве. Вскоре успешный опыт воспитания был замечен обкомом комсомола, и И.П. Иванова настойчиво убедили перейти

на должность заместителя заведующего отделом школ Ленинградского обкома ВЛКСМ. Любовь Александровна вспоминала, как первый секретарь обкома В.Н. Зайчиков уговаривал Игоря Петровича: «Сейчас вы знаете воспитательную работу по одной школе, в лучшем случае можете познакомиться с организацией работы ещё в двух-трёх школах, а работа в обкоме даст возможность познакомиться и обобщить опыт работы всех школ Ленинграда и области, а в будущем — направить эту работу в желаемое русло; познакомитесь с большим кругом учителей-воспитателей, с городскими руководителями народного образования, а мы постараемся выделить вам время для продолжения занятий над диссертацией» [2, с. 459]. Но «старания» руководства никак не способствовали этому роду занятий. Игорь Петрович так вспоминал об этом «обкомовском» периоде своей деятельности: «И вся моя последующая, почти двухлетняя работа в Областном комитете комсомола протекала на фоне напряжённых поисков разгадки этого "секрета", который был не чем иным, как вопросом о сущности воспитательного воздействия. В эти годы я познакомился воочию с практикой воспитательной работы многих учителей, пионерских вожатых, школьных и классных комсомольских организаций, пионерских дружин и отрядов. Перечитал десятки статей из педагогических журналов, брошюр, монографий. Часами беседовал с научными работниками и товарищами по аспирантуре. Что дала эта работа? Зимой 1951 года решил всерьёз заняться психологией, почувствовав со всей силой, что без знания законов внутреннего мира воспитанников всякий разговор о воспитательном воздействии останется пустыми фразами. Преподавая девятиклассникам психологию по учебнику Теплова, я постоянно ощущал недовольство. Мне казалось, что существующий курс раскладывает личность по отдельным полочкам: ощущение, восприятие, память и т.д. Интересы оторваны от психических процессов, способности от того и другого, а характер остаётся каким-то довеском ко всему курсу. То, за что мы боремся в практике обучения и воспитания — за глубокие и прочные знания, за мировоззрение, за убеждения, за высокие моральные качества, всё это в учебнике излагается между прочим, в немногих отрывочных тезисах. ... И я снова пришёл к давно забытой мысли об психоло-

гических отношениях личности к различным сторонам действительности как отражении действительных, объективных отношений, связей. Эта мысль, нашедшая своё обоснование и раскрытие с помощью учения И.П. Павлова, представляется мне исключительно важной для решения вопроса о сущности воспитательного воздействия. Весной этого же, 1951 года, готовясь к докладу на аспирантской конференции, я попытался изложить всю систему идей А.С. Макаренко под углом зрения принципа требовательности. ... Оглядываясь сейчас назад, на время работы над этим докладом, я не могу не удивляться тому, что двудесятилетнюю формулу Макаренко "как можно больше требований к человеку, как можно больше уважения к нему" я понимал односторонне, подавляя и растворяя "уважение" в "требовательности". В скором времени мне пришлось совсем с другой стороны убедиться в том, что требовательность необходимо брать в единстве с уважением к воспитаннику, что одно не может быть растворено в другом, что именно в единстве этих противоположностей и заключается сущность педагогического воздействия». (Из записей от января 1953 года) [2, с. 460 — 461].

Как отмечали Любовь Александровна и сам Игорь Петрович, работа в обкоме комсомола не прошла напрасно, его теоретические познания и размышления обогатились практическим опытом ленинградских и областных учителей, воспитателей, пионервожатых. Вскоре В.Н. Зайчикова перевели в Москву на должность первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и он уговаривал Игоря Иванова перейти вместе с ним, обещая творческий характер работы, тесно связанный с педагогикой, интересные командировки и в перспективе — квартиру, в которой молодая семья остро нуждалась. И Иванов в начале октября 1952 года уехал в Москву, где стал работать заведующим сектором педагогических учебных заведений Отдела по работе среди школьной молодёжи и получил возможность узнавать не только о наиболее интересном и самом неудачном практическом опыте деятельности школьного комсомола, но и знакомиться с планами и результатами научно-исследовательской деятельности в области воспитания. Как вспоминала Л.А. Иванова, он получил возможность думать и писать о педагогике в рабочее и вне рабочее время.

Игорь Петрович писал ей о том, как претворялись эти возможности уже в первые дни его работы в ЦК ВЛКСМ: *«Вторая моя московская неделя ознаменовалась первыми плодами: 1) в десяти пунктах учинил анализ и разнос официальной программе по курсу "Педагогика" для педвузов (автор Шимбирев, зав. кафедрой в Обл. пед. инст-те). Сей разнос, кажется, одобрен, и наши будут требовать от Каирова¹ составления комиссии для пересмотра и переработки программы. 2) Дал "Некоторые замечания и предложения по издательской деятельности АПН РСФСР". Мы читали некоторые книжки, выпущенные в 1952 году, и я потом на основании этого, а также бесед с двумя вызванными маститыми директорами школ составил соответствующую "кляузу". М.п. сам я прочёл интересную книжку "Сила детского коллектива" об опыте работы одной замечательной подмосковной школы в годы Великой Отечественной войны. Выудил бумажек 5–30 в подтверждение своей концепции. Я тут всё время: и на работе, и в столовой, и в автобусе, и в поезде, и сегодня на конференции Московского педагогического института им. Потёмкина обдумываю проект диссертации. Кажется, совершаю переворот».* (Из письма от 19.10.52) [2, с. 464].

Здесь он впервые столкнулся с «педагогическим Олимпом», т.к. в его обязанности входило не только изучение и распространение опыта практической работы школьного комсомола во всей стране, но и анализ деятельности педагогических вузов и НИИ по проблемам воспитания учащихся. Из этого письма видно, что спектр деятельности комсомола были гораздо шире, чем у современных комитетов по делам молодёжи, и Игорь Петрович получил возможность реально влиять не только на работу комсомольских организаций всей страны, но и на совершенствование педагогической системы страны. Но чем больше он погружался в работу, тем глубже начинал понимать косность и бюрократизм этой системы, особенно в области педагогической науки: *«Я сегодня целый день заседаю. Сначала отмучился на Учёном Совете института теории и истории педагогики, и в течение нескольких часов*

слушал говорильню столпов нашей "науки". М.п. они не утвердили план одного аспиранта с 9-летним стажем работы. Почему? Потому что им было неясно: что это такое — исследование или руководство (т.е. инструкция) по работе классного руководителя. Видишь, даже это неясно, хотя товарищ представил на 5–6 страницах развёрнутый план. Ну и тощица, ну и словоблудие. Нет, пронеси, Господи, мимо сего храма. А сейчас пришёл на говорильню № 2. В зале заседаний коллегии Министерства просвещения будет заседать больше сотни членов всех комиссий по переработке программы для школ. Я должен наблюдать и брать на карандаш... Но, конечно, Лю, всё это полезно знать, так сказать, "последние слова" в нашей науке. Видишь, в какие галоши садятся корифеи. Противно, но полезно». (Из письма от 30.10.52) [2, с. 464–465].

Не лучше обстояло и с анализом выпускаемой детской литературы, когда он принимал участие в работе секции критиков: *«Сначала Лев Абрамович Кассиль полтора часа воздавал дифирамбы, потом Сара Абрамовна Брезер воскуривала фимиам, потом ещё Чичкина лила елей на новый роман Прилежаевой: талантливо, огромный рывок вперёд, эпохально, новаторски и т.д. Послушал я, послушал и не выдержал. Вышел и сказал мрачно: "Граждане! Я буду говорить без восклицательных знаков!" И вылил ушат холодной воды. Отряхнулись "критики" и снова завопили: талантливо, эпохально и гр. А на меня зашикали: т. Иванов подходит не с тех позиций, т. Иванов судит по штатному расписанию (это на мой упрёк, что в повести о школе нет... Директора), т. Иванов не убеждает и проч. Судит товарищ Иванов и думает: вай-вай-вай! Куда он попал».* (Из письма от 18.1.53) [2, с. 466].

Получив возможность поездок по стране, знакомства с реальной педагогической практикой и современными педагогическими исследованиями, Игорь Петрович всё больше сталкивался с формализмом и бюрократизмом, который стал всё больше проявляться и в ЦК ВЛКСМ, после прихода Шелепина, сменившего Зайчикова на посту первого секретаря. Так и не получив обещанной квартиры, оторванный от семьи, всё чаще И.П. Иванов ощущал своё одиночество, стремился вернуться

¹ Каиров Иван Андреевич — Президент АПН РСФСР (1946–1967), министр просвещения РСФСР (1949–1956).

домой и реализовать в диссертации свои идеи. Но уйти из номенклатуры было совсем не просто, если бы не очередная реорганизация, как обычно, декларирующая необходимость сокращения кадров, в результате которой 08.05.1953 бюро ЦК разрешило Иванову вернуться в Ленинград и, не проработав в ЦК ВЛКСМ и года, он снова продолжил учёбу в аспирантуре.

Этот последний год аспирантуры оказался весьма непростым, о чём поведала его верный и любимый друг и соратник Любовь Александровна:

«...в начале 1954 года институт Игоря залихорадило. На заседании Президиума АПН СССР институту и, конечно, его руководителю Б.Г. Ананьеву предъявили серьёзные обвинения в слабой связи со школами и поверхностности исследований. Эту критику Игорь считал конъюнктурной, несправедливой, сильно переживал за уважаемого им учёного. Вообще терпеть не мог всяких интриг, грязь и сплетен...»

Произошло ещё одно тяжёлое для Игоря событие — умер его научный руководитель профессор П.Н. Груздев... Научным руководителем Игоря стал Андрей Калининович Бушля, неплохой человек, но как специалист на «голову» ниже Ананьева и Груздева. Он приглашал творческие поиски Игоря, главной задачей считал окончание диссертационной работы в срок. Игорь с этой задачей справился... Официальными оппонентами были назначены директор института Б.Г. Ананьев и доцент педагогического института им. Герцена, ранее проработавший несколько лет завучем школы № 210, Д.И. Сафонов. Защита была назначена на июнь 1954 года. Работа была обсуждена и одобрена на секторе педагогики института...

И здесь совершил роковой шаг — пошёл для сбора таких (эмпирических) материалов в школу № 210, директором которой была Татьяна Ефимовна Конникова, одновременно работающая преподавателем в Герценовском институте. Игорь располагал огромным материалом, более чем достаточным для иллюстрации своих идей, так как, работая в ОК ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ, имел возможность изучить жизнь более 80 школ Ленинграда и Ленинградской области, Москвы, Ставропольского края

и других городов и областей. Не помню, по личной инициативе или по просьбе Конниковой Игорь стал участвовать в подготовке и проведении комсомольских собраний (с 20 января по апрель 1951 года). Увлёкся, стал изучать архивные материалы (стенограммы собраний, стенгазеты, материалы олимпиад) и невольно сравнивать их данные и собственные наблюдения с теми данными, которые привела Конникова в рукописи своей книги «Опыт организации детского коллектива в школе». Быстро убедился, что все эти, «не конниковские» материалы говорили несколько о другой картине, чем та, которая описана в рукописи. Мало того, наткнулся на ряд фактов, прямо говоривших о «потемкинской деревне». Желая воссоздать истинную картину, решил написать отдельную главу диссертации, целиком посвящённую работе комсомольцев с пионерами в школе за период с 1945 по 1953 год. При этом отражал и положительные моменты, и отрицательные, что в рукописи было полностью затушевано. Наивно полагая, что Конниковой будет приятно внимание к её работе, а критический материал даст повод к честной полемике во время защиты или после неё, гордо понес готовый экземпляр диссертации Татьяне Ефимовне. И получил серьёзный (и очень жестокий!) жизненный урок! Конникова, прочитав злосчастную главу и почувствовав опасность неопубликования своей книги, буквально «взорвалась» и подняла страшный шум. Не поговорив с Игорем, сразу направила письма в несколько инстанций: в научный отдел Герценовского института, Ананьеву как официальному оппоненту и директору института, где работал Игорь, своей приятельнице Божович, которой покровительствовал академик Леонтьев, враждующий с Ананьевым, в многотиражку института «Народный учитель». Шум и грохот! Содержание писем одинаково — обвинение Игоря в заимствовании фактов и идей из её рукописи. Теперь «взорвался» уже Ананьев, ибо он хорошо знал работу Игоря, участвовал в обсуждении и утверждении его теоретической (первой) главы диссертации в начале января, т.е. ещё до начала работы Игоря в школе № 210. Он отреагировал сразу: попросил отнести защиту на более поздний срок, затребовал рукопись книги Конниковой, убедился в отсутствии

даже намека на какой-либо плагиат, рекомендовал Игорю полностью убрать «злостную» главу (она, по-существу, была инородным телом в работе), углубить сравнительный анализ по материалам других школ. Диссертация после переработки только выиграла: уменьшилась в объёме, сравнительный анализ стал более лаконичным, глубоким и убедительным. Конникова, получившая жёсткий отпор со стороны всех инстанций, куда она направляла письма, вскоре изменила тактику своего поведения, стала даже заискивать перед Игорем, но недоверие к ней осталось навсегда. Я же испытывала к ней глубокую неприязнь, так как, зная впечатлительную натуру Игоря, была уверена, что эта тщеславная, амбициозная женщина оставила на сердце Игоря такую зарубку, которая вместе с другими и привела в конечном счёте к инфаркту и последующим болезням. Поэтому и не одобрила Игоря, когда он, много лет спустя, пригласил Конникову быть официальным оппонентом на защите им докторской диссертации, желая, чтобы она лично поставила точку в той истории, которую сама заваривала». [2, с. 476 – 478].

В результате кляуз Конниковой и переноса даты защиты И.П. Ивановым был задуман и проведён новый эксперимент в 193 школе. В результате теоретического анализа и обобщения работы, проделанной в 202 и 193 школах, в диссертации «Воспитательная работа комсомольцев с пионерами», успешно защищённой в марте 1955 года, была заложена основа педагогической концепции И.П. Иванова, обоснован наиболее оптимальный тип воспитательных отношений — отношений содружества старших и младших. Первым оппонентом на защите был Б.Г. Ананьев. Работа над диссертацией и все препоны, связанные с защитой, привели Игоря Петровича к идее объединить активно работающих вожатых в единый коллектив. Идея реализовалась в создании в 1956 году «Союза энтузиастов» (СЭН), объединившего около 20 аспирантов и старших вожатых Ленинграда, которые еженедельно собирались в НИИ педагогики или в одной из ленинградских школ для поиска, разработки, апробации и реализации новых методов и форм работы со школьниками.

О работе СЭН и её результатах Любовь Александровна подробно рассказывает в своей книге «Будущее в настоящем», вот фрагменты этого рассказа: «Члены «Союза» изучали классиков советской педагогики, современную педагогическую литературу и сообщали пути решения актуальных вопросов воспитания, прежде всего — развития инициативы и самостоятельности. У каждого члена «Союза...» была особая тема для углублённой разработки: у М. Жежко — «Пионерские звенья как микроколлективы», у Л. Борисовой — «Совет дружины как коллективный руководитель всех пионерских дел», у Н. Сыч — «Соревнование между отрядами» и т.д. Педагогические находки каждого обсуждались и затем практически проверялись в школах, причём две из них — 157 и 317 — были основными, а остальные дополнительными, вспомогательными. Такая подготовка позволила изменить масштаб работы — перейти от коллектива пионерского отряда (класса) к коллективу пионерской дружины школы или пионерского лагеря. Теперь уже в условиях дружины проверялась и разрабатывалась успешность воспитательной работы, построенной на основе содружества старших и младших, на использовании средств коллективной организаторской деятельности [2, с. 484].

...Огромная работа, проведённая в базовых и вспомогательных школах под руководством сэнзовцев, однозначно показала, что коллективная организаторская деятельность ребят и старших возможна и в условиях пионерской дружины — школьной и лагерной, что она развивает у детей потребность и способность творчески заботиться об окружающих людях. Успех дела определялся использованием системы конкретных средств коллективной организаторской деятельности, в которую входят:

- разведка дел и грузей (стартовая и текущая);
- конкурс между звеньями, отрядами на лучшее предложение к плану;
- общий сбор-старт для выработки плана на данный отрезок жизни отряда, дружины, выборного актива;
- общий сбор-«огонек» для оценки проделанного;
- «большой» общий сбор для обсуждения собственного опыта за длительный

период и опыта других коллективов для составления плана на новый период; — организаторская работа «советов дел»; — чередование традиционных творческих поручений для повседневной заботы о своём коллективе и окружающих людях; — «смотрь дружки» — парные (пионерские отряды в гостях друг у друга) и массовые (обмен делегациями веером между всеми отрядами дружины)» [2, с. 486].

Все разработанные Союзом энтузиастов средства коллективной организации деятельности обязательно проверялись в реальной деятельности пионерских отрядов и дружин. Вот, например, к какому выводу пришёл И.П. Иванов, анализируя результаты организованного сновцами похода нескольких отрядов в ходе II Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников: «...наши комсомольцы и пионеры были действительно младшими товарищами — в общей заботе о выполнении жизненно важных задач — не только нас, педагогов, но и других взрослых, которые оказывали на подростков (в дружеском общении с ними) — глубокое воспитывающее воздействие.

Забываясь о старших, **помогая** им, пионеры и комсомольцы **учились** у них в самом широком смысле этого слова: усваивали передаваемый старшими разнообразный общественно необходимый опыт — научный и нравственный, трудовой и эстетический, но больше всего — опыт гражданского, патриотического отношения к жизни.

При этом для подростков оказывались особенно дорогими, впечатляющими (как они единодушно отмечали в личных беседах с нами во время похода и после него) именно моменты непринуждённого, «свободного» **дружеского общения взрослых с ними**» [1, с. 316–317].

Эффективность поисков и экспериментов СЭН в развитии инициативы, активности и творчества школьников привели к идее расширения воплощения идей коллективной творческой деятельности на целый район, а затем и на город. Экспериментальной площадкой стал Фрунзенский район Ленинграда, где Л.Г. Борисова стала работать завучем, а методистом по организации работы с пионерами была Ф.Я. Шапиро. Там в мартовские каникулы

1959 года и был проведён первый лагерный сбор, в результате которого была рождена Коммуна юных фрунзенцев, деятельность которой на основании воспоминаний её участников была замечательно описана С.А. Соловейчиком в его книге «Фрунзенская коммуна». А за несколько лет до книги — 10 января 1962 года, его очерк с аналогичным названием был опубликован в газете «Комсомольская правда», в котором Симон Львович писал о Фрунзенской коммуне, открывшей уникальное в мировой истории самодеятельное детско-юношеское движение и новую идеологию воспитания и развития включением детей и взрослых в коллективную творческую деятельность на основе «общей заботы о близких и далёких людях»: «Это была маленькая сенсация в воспитательском мире. К ним приходили вожатые, учителя, пионерские работники, преподаватели институты, и все слушали, слушали и, конечно, спорили. Дело, которое затеяли ленинградцы, интересно прежде всего тем, что оно заставляет думать и волноваться. Я не знаю ни одного человека, который остался бы равнодушным к этим удивительным людям...

Очень разные люди нашли друг друга и объединились, сгруппировались, поставив перед собой очень смелую задачу — показать ребятам, как же должны жить люди коммунистического склада. Примерно три года назад они собрали в Доме пионеров активистов из разных дружин Фрунзенского района. Так появилась КЮФ — Коммуна юных фрунзенцев...

«Средство» воспитания в коммуне одно: она даёт ребятам право и возможность вторгаться в настоящую, взрослую жизнь. В Коммуне ребятам внушают, что они не какие-то там «будущие» строители коммунизма, а уже сегодня вправдашние борцы. И если есть в жизни что-то плохое, то в этом виноват не кто-то, а сами коммунары...

В Коммуне не изобрели пороха; просто здесь взрослые, которые работают с ребятами, умеют до конца использовать те принципы, которые открыты советскими воспитателями, пионерской организацией. Но там, где иные ограничиваются лишь провозглашением принципов, или, начиная претворять в жизнь, останавливаются,

испугавшись «как бы чего не вышло», там коммунары идут до конца...

Игра, в которую играют так искренне и убеждённо, что она перестаёт быть игрой, а становится жизнью, — это одно из достижений коммуны...

Скажите, что вам дала коммуна? — спросил я у ребят.

— Я понял, что такое настоящая пионерская жизнь, — сказал один.

— У меня появилась цель в жизни, — сказала вторая.

— Какая же это цель? — спросил я. — Сделать так, чтобы все вокруг меня жили, как в коммуне...» [6, с. 10 — 13].

Затем этой статьёй С.Л. Соловейчика был открыт специальный выпуск журнала «Социальная педагогика» за 2017 год, подготовленный замечательными педагогами Ричардом и Наталией Соколовыми, который они сами так охарактеризовали: «Этот выпуск журнала не совсем обычный. Можно сказать, что это прообраз некой будущей научно-популярной энциклопедии Российского коммуначества XX—XXI веков «И.П. Иванов и его команда» [6, с. 7]. Во вступлении к republicации очерка о Фрунзенской коммуне они пишут: «...Автор очерка С.Л. Соловейчик к моменту его написания не мог не знать, что два года назад (т.е. в 1959 г.), в первые же недели рождения Коммуны юных фрунзенцев (КЮФ) при Доме пионеров Фрунзенского района Ленинграда в ЦК ВЛКСМ полетели официальные доносы, в которых руководители РОНО и РК ВЛКСМ категорически требовали закрытия КЮФа, утверждая, что это очень опасная попытка создания новой политической детской организации — альтернативной существующей пионерской. Для тех лет это было очень серьёзным политическим обвинением. То, что удалось предотвратить разгром КЮФа «на корню», можно назвать чудом. Его создатель, научный работник ленинградского НИИ педагогики И.П. Иванов, за несколько лет до этого сам работал в ЦК ВЛКСМ. Он срочно едет в Москву, разыскивает в ЦК ВЛКСМ старых друзей и добивается достаточно авторитетного письма с указанием разрешить ему продолжить, как он объясняет, научный экс-

перимент. Тогда КЮФ спасти удалось, но опыт оказался под очень пристальным наблюдением. Через два года С.Л. Соловейчик рискнул написать очерк. Почему рискнул? Да потому, что и позже (через пять лет после этого) был написан очередной донос. Но кем и куда? Ни много ни мало — Комитетом госбезопасности в ЦК КПСС... И, заметим, во втором доносе уже фигурирует и фамилия Соловейчика...

Рассчитываем, что, зная теперь об этой серьёзнейшей политической подоплёке, грозившей журналистской карьере С.Л. Соловейчика, читатель посмотрит на его очерк и последующие материалы первого раздела, как говорится, совсем другими глазами. Альтернативная детская политическая организация тогда не только выжила, но и, как мы знаем, её начинает поддерживать и пропагандировать самая массовая молодёжная газета — в те годы орган ЦК ВЛКСМ. Благодаря также и этому массовому влиянию коммунарская организация выросла из детской в юношескую, а позже и в молодёжную... В стране появилось массовое юношеское движение, названное «коммунарским движением». А на его основе позже появились и другие движения... Но уже с начала 1960-х лидеры этого движения старательно избегали слова «организация». Её предпочитали называть словом «клуб».

А тогда, после очерка Соловейчика, в КЮФ хлынул поток «паломников». К счастью, опытом КЮФ тогда заинтересовалась секретарь ЦК ВЛКСМ Л.К. Баясная — человек смелый, энергичный, искренне заинтересованный в «оживлении» пионерии и школьного комсомола, в развитии инициативы и самостоятельности детей и подростков. При её поддержке во Всероссийском пионерлагере ЦК ВЛКСМ «Орлёнок» летом 1962 и 1963 гг. были организованы две экспериментальные смены. Летом 1962-го создали отряд из 50 человек, в котором были трое вожатых (взрослые из КЮФа), несколько юных «кюфовцев» и около 40 пионеров-активистов из разных городов. Многие из них, вернувшись из лагеря, создали в своих городах «клубы юных коммунаров». Летом 1963 г. в «Орлёнке» собралось уже 50 делегатов из «секций» клуба ЮК. И общими силами удалось «окоммунарить» ещё около

500 старшеклассников — тринадцать отрядов (первой комсомольской дружины среди нескольких пионерских дружин) лагеря «Орлёнок». «Комсомольская правда» объявила о создании специальной страницы «Алый парус», и в первом её номере — о создании Всесоюзного заочного клуба ЮК. Так, у новой организации появились и название, и (на некоторое время) свой печатный орган. В СССР зародилось новое (уже юношеское) движение юных коммунаров, которое со временем становилось всё больше похожим на молодёжную политическую организацию. В разных городах стали проводиться съезды, которые скромно называли «коммунарскими сборами». На некоторые из них собирались делегаты из разных городов от десятков клубов ЮК. Так, например, на летний сбор 1964 года в г. Братск съехались около 200 делегатов из 20 городов СССР...» [7, с. 9–10].

К 1965 году в разных республиках, городах и селах Советского Союза благодаря «Комсомолке» и Всероссийскому лагерю ЦК ВЛКСМ возникли и активно действовали более 500 коммунарских клубов. Они базировались в самых разных организациях: во дворцах пионеров и школьников, как это было в Архангельске или в Свердловске; в школах, как это было у Караковского, в школе № 1 в Челябинске или во всех десятках школ города, как это удалось организовать инструктору горкома партии В.Г. Гамаюнову в Горловке; в редакциях молодёжных газет, как это было в Петрозаводске или в райкомах комсомола, как это было в пермской Мотовилихе...

После письма председателя КГБ Семичастного [10, с. 21], написанного в 1967 году в ЦК КПСС о том, что стихийное коммунарское движение, поставившее своей целью оживление школьного комсомола, стремится подменить собой комсомольскую организацию, во многих регионах это движение стало испытывать серьёзное сопротивление, прежде всего со стороны комсомольских функционеров и органов образования. Количество клубов стало сокращаться, многие меняли свои формы деятельности, как, например, свердловский КЮК «Алый парус», официально являвшийся городским штабом старшеклассников, неформально ре-

организовавшийся в юношеский театр поэзии и факта «Алый парус» и перешедший на базу одного из дворцов культуры. Но бывшие в шестидесятых годах школьниками, в семидесятых стали студентами, многие уже сами работали учителями, преподавателями вузов и старались в практической деятельности реализовать идеи, полученные в юности. После того как Ричард Соколов, создавший в 1968 году свой первый коммунарский клуб «Орион» (начавший работать по программе создания подростковых клубов по месту жительства, разработанной школьниками и студентами на зимнем коммунарском сборе в Свердловске), установил контакт с И.П. Ивановым, работавшим на педагогическом факультете ЛГПИ им. А.И. Герцена, коммунарское движение школьников стало в 70-х годах XX века преобразовываться в Коммунарское Макаренковское содружество (КМС) — объединение некоторых оставшихся клубов юных коммунаров и вновь возникших на базе коммунарских клубов, в форме студенческих научных обществ, кружков, секций, клубов по месту жительства, объединявших педагогов, студентов, учителей и школьников.

Система «воспитания по Иванову» (С.Л. Соловейчик), созданная в советское время, сегодня нередко отторгается из-за обилия идеологической лексики, характерной для той эпохи и потому ставшей основной мишенью либералов. Но её вневременной потенциал доказывают коллективы, отметившие своё шестидесятилетие, как Архангельский городской штаб школьников имени А.П. Гайдара и пермские воспитанники Мотовилихинского клуба юных коммунаров, которые через разные объединения продолжают дело своей юности. Кроме того, в 1980–1990-х годах стали возникать новые детско-взрослые объединения, действовавшие на основе педагогической системы И.П. Иванова. Мощным стимулом для этого оказались серии статей С.Л. Соловейчика в Учительской газете (куда его пригласил ставший главным редактором В.Ф. Матвеев), благодаря которым стало развиваться движение педагогики сотрудничества, самыми активными участниками которого стали члены КМС 1970-х и воспитанники КЮКов 1960-х годов.

Идеи коллективной творческой деятельности, в исследование и реализацию которых внесли решающий вклад И.П. Иванов и Л.И. Уманский, открывшие ключевые принципы психопедагогики воспитания и формирования личности организаторов общественно значимой деятельности, не только не потеряли своей актуальности, а становятся всё более востребованы в современных условиях. Удивительно, как за три-четыре года опыт Коммуны юных фрунзенцев усилиями школьников, побывавших в «Орлёнке», без официальной организационной и материальной поддержки, фактически благодаря лишь инициативе двух сотрудников школьного отдела «Комсомольской правды» — Ивана Зюзюкина и Симы Соловейчика, перерос в мощное самодеятельное движение и распространился по всей стране. А сегодня, за шесть лет, прошедших с 29 октября 2015 года, когда Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское движение школьников» [11], это движение так и не стало массовым.

Выступая 14 февраля 2018 года на Всероссийском форуме «Наставник-2018», В.В. Путин подчеркнул: «Успехи экономики зависят от умения людей работать в коллективе», а затем добавил: «В этом смысле у нас, у нашей страны, есть определённое преимущество, потому что в характере нашего народа и наших народов очень существенная составляющая коллективизма» [12]. Но разрушение самодеятельных детских организаций привело к тому, что сегодня школьники не умеют работать в команде, не развиваются организаторские навыки, но нет и навыков подчинения сверстнику.

Знание и понимание научного и практического опыта, накопленного в результате уникальных «полевых» экспериментов Л.И. Уманского и И.П. Иванова, опыта, проверенного в самых разных социально-экономических условиях и убедительно доказавшего свою эффективность, сегодня: «...крайне необходимы Российскому движению школьников, шесть лет буксую-

щему в формализме и индивидуализме, разгоняемом малоосмысленными конкурсами» [5, с. 8].

Список использованных источников:

1. *Иванов И.П.* Творческое содружество поколений как условие воспитания юных общественников. Дис. ...докт. пед. наук. — Ленинград, 1972. — 492 с.
2. *Иванова Л.А.* Будущее в настоящем // Педагогика коллективной творческой деятельности. Труды академика И.П. Иванова (к 95-летию бывшего декана педагогического факультета) / сост. В.А. Ситников. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. — 608 с., ил. (Серия «Золотые имена»).
3. *Лунева О.В., Крюкова Т.Л.* Научная школа Л.И. Уманского: вклад в отечественную психологию // Психологическая газета <https://psy.su/feed/9492/> дата обращения 10.12.2021
4. *Сарычев С.В.* Лев Ильич Уманский — основатель курской научной школы в социальной психологии // Психологическая газета. <https://psy.su/feed/9508/> дата обращения 10.12.2021
5. *Ситников В.А.* Творцы теории и практики реальной социальной педагогики // Социальная педагогика. — 2021. — № 2. — С. 8.
6. *Соколов Р.В., Соколова Н.В.* От составителей // Социальная педагогика. — 2017. — № 1–2. — С. 7.
7. *Соколов Р.В., Соколова Н.В.* От редакции // Социальная педагогика. — 2017. — № 1–2. — С. 9–10.
8. *Соловейчик С.Л.* Фрунзенская коммуна // Социальная педагогика. — 2017. — № 1–2. — С. 10–13.
9. *Уманский Л.И.* Критерии и характеристики общественной активности личности и контактной группы как коллектива / Л.И. Уманский // Социально-психологические аспекты общественной активности личности и коллектива школьников и студентов: сб. науч. тр. — Ярославль, 1975. — Вып. 39. — С. 19–31.
10. *Шубин А.В.* Педагогика и коммунизм // Социальная педагогика. — 2017. — № 1–2. — С. 21.
11. <http://xn--80akivbcegdoddc1d.xn--p1ai/news/84>, дата обращения: 20.02.2019.
12. <https://news.mail.ru/politics/32560945/?frommail=1>, дата обращения: 20.02.2019.